

Глава 1

Урок физкультуры продолжался уже пятнадцать минут. Четвёртый «Б» без энтузиазма трусцой нарезал круги по залу. Юлька бежала вместе со всеми, нагнув голову и глядя на мельтешившие внизу кроссовки. Хоть бы шнурки развязались что ли... Тогда можно было бы с полным правом остановиться, присесть на корточки и чуть-чуть перевести дух. Но шнурки, как назло, не развязывались. А вот очки постоянно соскальзывали со взмокшей от пота переносицы, и Юле приходилось всё время их поправлять.

Наконец раздалось долгожданное:

— Стой, раз-два!

Класс ещё немного потоптался и замер. Кто-то сзади наступил Юльке на пятку — судя по довольному хихиканью, нарочно. Она сделала вид, что не заметила.

— Встаём по двое. Каждая пара берёт по баскетбольному мячу, — распорядился учитель.

Юля неуверенно шагнула к Жанне Крапчук, рядом с которой стояла, но та уже бежала к Полине Уваровой с криком:

— Поля, я с тобой!

Тогда Юлька направилась к Насте Ивановой (они занимались в паре в прошлый раз), но её отпихнула подоспевшая Ритка Семёнова.

— Отвали, мартышка! — бросила она, становясь рядом с Настей.

Юлька огляделась. Все уже разделились на пары. Даже маленький щуплый Илья Старостин, который часто оставался без партнёра, стоял с рослой Машкой Вишиной. Только Юлька оказалась не при делах.

— Савельева, тебе что, особое приглашение нужно? — физрук нетерпеливо хлопал в ладоши. Наверное, в своё время он получал по математике одни двойки. Ведь класс всё равно не может поделиться на пары ровно, если в нём двадцать пять учеников.

— Павел Андреевич, мне пары не хватило, — в который раз поправляя сползающие очки, стала оправдываться Юлька.

— Ладно, вставай со мной, — сменил гнев на милость учитель и добавил с досадой: — Иними ты свои очки! Мешают ведь!

Очки Юльке действительно мешали. И не только на физкультуре, а вообще — по жизни. Но без них мир вокруг тускнел и размывался, а ещё начинала кружиться голова.

Тем не менее Юлька безропотно кивнула и отправилась в раздевалку. Нельзя же было упустить наконец-то подвернувшуюся возможность немного передохнуть, пока ходишь туда-сюда!

Она оставила очки на лавке возле своего рюкзака и вернулась. Ребята уже вовсю перебрасывали друг другу тяжёлые баскетбольные мячи. Юлька направилась к физруку. Секунду спустя увесистый мяч стукнул её между лопаток. Юля ойкнула и обернулась.

Послышался смех.

— Ой, прости, я нечаянно! — картинно прижав руку к губам, извинилась Полина Уварова.

Юлька молча подняла откатившийся в сторону мяч и с силой швырнула обратно в Полину. Не попала.

— Савельева, не так бросаешь, техники нет, — обречённо вздохнул физрук и начал учить, как правильно.

Бросать мяч (а тем более ловить) у Юльки и правда получалось из рук вон плохо. А жаль. Если бы у неё эта самая техника была, Полина ни за что бы не увернулась!

Когда наконец прозвенел звонок, класс гурьбой повалил в раздевалку. Юльку учитель задержал.

— Ну, Савельева, что делать будем? Если так и дальше продолжится, ты вряд ли сдашь нормативы.

Юля, понурившись, молчала.

— Ты бы спортом каким-нибудь занялась, что ли, — посоветовал физрук.

— Я занимаюсь, Павел Андреевич. Плаванием. Уже три месяца.

— Значит, этого недостаточно. Тренируйся дополнительно дома, зарядку делай. Проснулась, поупражнялась пятнадцать минут, а только потом завтрак. Поняла?

— Поняла, Павел Андреевич. Буду делать, — близоруко глядя учителю в глаза (два тёмных пятна на одном светлом), соврала Юлька.

— Ладно, Савельева, иди, — махнул рукой физрук, учительским чутьём распознав фигушку в её кармане.

Юлька отправилась переодеваться.

При её появлении в раздевалке возбуждённое жужжание оборвалось, сменившись выжидательным молчанием. Заподозрив неладное, Юлька подошла к лавке, где оставила вещи. Так и есть. Очки пропали.

Ладно, без паники. Мало ли, может, она их сама куда-то убрала и забыла. Юля порылась в рюкзаке, приподняла одежду, потом искала на полу. Даже обошла раздевалку, близоруко щурясь и низко наклоняясь, чтобы лучше видеть, что лежит на лавках. Очков не было.

Одноклассницы исподтишка следили за Юлькиными метаниями. Обшарив рюкзак во второй раз, Юля как можно более спокойным тоном потребовала:

— Девочки, пошутили и хватит. Верните мои очки.

— Какие ещё очки? — с наигранным недоумением протянула Полина Уварова. — Мы не брали.

— Ты чё, мартышка? Совсем крыша поехала? На фига нам твои очки? — подхватила Ритка Семёнова.

— Вот именно! Зачем они нам? — внесла свою лепту Жанна Крапчук.

— Вот и отдайте, раз незачем.

— Говорю же, мы не брали, — возразила Полина. Вид у неё был непогрешимо честный. Очень полезное умение — так виртуозно врать. Можно позавидовать. — Девочки, ну скажите!

Одноклассницы, давась от смеха, нестройным хором подтвердили, что знать не знают ни о каких очках.

— Я Кире Кирилловне пожалуйся, — без особой надежды пригрозила Юлька.

— На что? Сама очки потеряла, а мы виноваты? — фыркнула Жанна.

— Девочки, а может, отдадим? — неуверенно подала голос Настя Иванова.

— Иванова, ну ты совсем, что ли? — Рита покрутила пальцем у виска. — Как мы отдадим, если не брали?

— Дурдом! Очки какие-то ещё придумали. Делать вам нечего, — осуждающе бросила Машка Вишина и, подхватив сумку, первая вышла в коридор.

Вскоре Юлька осталась одна. Под трель звонка она принялась по новой обыскивать раздевалку. Осмотрела все полки, заглянула под каждую лавку и даже покопалась в чьём-то забытом пакете, одиноко висевшем на крючке. Безрезультатно.

Юлька окинула раздевалку разочарованным затуманенным взглядом и поплелась на математику, которая шла уже пятнадцать минут.

— Савельева, почему опоздала? — сурово поинтересовалась учительница, поджимая губы.

— На физкультуре задержали, Кира Кирилловна, — не вдаваясь в подробности, ответила Юлька.

Учительницу, Киру Кирилловну Мордвинову, ребята за глаза сокращённо называли просто КиКиМорой. Это имя выговаривалось легче и быстрее, а главное, очень ей подходило. У Кикиморы были тускло-коричневые волосы, болотисто-зелёные глаза и такое унылое лицо, как будто она и впрямь всю жизнь жила в трясине без

малейшей надежды хоть когда-нибудь оттуда выбраться.

На своих учеников Кира Кирилловна смотрела как на лягушек: с одной стороны, это существа довольно противные, а с другой — никуда от них не денешься, придётся терпеть. Единственной, к кому она благоволила, была Полина Уварова — круглая отличница и, по всеобщему признанию, лучшая ученица в классе. Поэтому рассчитывать на помощь Киры Кирилловны в противостоянии с Полиной было абсолютно бессмысленно.

— Ладно, садись и пиши условие задачи, — недовольно морща нос, буркнула Кира Кирилловна.

Юлька села на своё место и, щурясь, уставилась на доску. Буквы издевательски прыгали, как будто нарочно стараясь, чтобы она их не разглядела.

У доски мучился Влад Чистяков. Наблюдать за ним было забавно.

— Ну так сколько килограммов апельсинов взял второй покупатель? Как будем

задачу решать, Чистяков? — допытывалась Кикимора.

— Умножим апельсины на килограммы, — предлагал Влад.

— Зачем?

— Ну, тогда килограммы на апельсины.

— А это зачем?

— Тогда... тогда вычтем из апельсинов килограммы! — наобум брякнул Влад.

— Чистяков, что ты гадаешь на кофейной гуще? — взвилась Кикимора.

— Что вы, Кира Кирилловна, я пользуюсь самым настоящим математическим методом, — вежливо возразил Влад. — Методом полного перебора! Учитываю и рассматриваю все варианты.

— Два, Чистяков! — выйдя из себя, вынесла приговор Кира Кирилловна. В этот момент как на грех её взгляд упал на Юльку. — Савельева, а ты что сидишь без дела? Ты решила задачу?

— Нет, Кира Кирилловна, я не ви...

— Всё с тобой понятно! — не слушая её оправданий, постановила доведённая

до белого каления Кикимора. — Полина, видимо, мы опять без тебя не обойдёмся.

Полина Уварова подошла к доске и принялась чётко излагать решение.

Юлька отодвинула тетрадь и уставилась в окно в ожидании перемены.

Странная штука — время: в будние дни оно тянется и тянется, как прилипшая к столу, не успевшая засохнуть жвачка. А в выходные, наоборот, стремительно тает, как конфета во рту: раз — и нет.

Юлька еле дождалась конца уроков. После занятий четвероклассники весёлой стайкой высыпали во двор и облепили спортивный комплекс у забора. Забрались на лесенки-паучки и, усевшись на перекладинах, принялись о чём-то болтать.

Юлька нерешительно потопталась между выходом и спортивным комплексом. Подойти? Или не стоит?

Пока она раздумывала, с ней поравнялась спешившая из школы Машка Вишина. Бросив на ходу короткое «пока!», промаршировала по хлюпающей под ногами

весенней грязно-снежной каше и скрылась за воротами. Машка серьёзно занималась то ли самбо, то ли дзюдо и каждый день прямо из школы бежала на тренировку.

Вздыхнув, Юля побрела вслед за ней к выходу со двора.

Дома Юлька, как смогла, без очков сделала уроки, сварила макароны с сосисками — её коронное блюдо — и, поглядывая на часы, уселась ждать маму. Цифры были плохо различимы, только стрелки чернели на круглом циферблате, напрочь отказываясь двигаться.

Чтобы скрасить ожидание, Юлька сунула в рот конфету и отправилась поливать цветы. Когда они жили вместе с папой, он шутил, что их с мамой семейный быт — сплошной конфетно-букетный период. Дело в том, что Юлькина мама работала врачом в больнице и постоянно приносила с работы сладости и букеты, которые ей дарили благодарные пациенты. Кроме того, обе комнаты и кухня были уставлены комнатными растениями: Юлькина мама их обожала.

Квартира напоминала настоящий райских сад: повсюду цветы, сладостей сколько хочешь — живи и радуйся.

Но Юлькины родители почему-то не радовались. Наоборот, всё время ссорились. А осенью мама заявила, что с неё хватит. Собрала всё самое ценное: Юльку, цветы и два чемодана, и перебралась сюда, на съёмную квартиру. А папа остался на старой.

Наконец хлопнула входная дверь.

— Юлька, я дома!

Юля вышла в коридор, и мама вручила ей очередную коробку конфет.

— А почему ты без очков? Так нельзя, иначе зрение продолжит портиться. Помнишь, что доктор сказал?

— Помню, мам, — Юлька смущённо замялась. — У меня их... ну, в общем... отобрали.

Мамины глаза за стёклами очков недоумённо распахнулись, а на лбу обозначились морщинки.

— Как — отобрали? — переспросила мама так испуганно и огорчённо, что у Юльки язык не повернулся рассказывать «как».

— Ну, не отобрали, а просто взяли и... не вернули, — аккуратно обрисовала ситуацию Юлька.

Мама несколько секунд помолчала, а затем с решительным видом кивнула своим мыслям.

— Я этого так не оставляю. Это беспредел! Я сегодня же позвоню вашей учительнице и скажу, что тебя обижают. Пусть она проведёт беседу с классом, устроит экстренное родительское собрание...

Час от часу не легче! Разве Кикимора поможет Юльке? Наоборот, после её вмешательства всё станет только хуже.

— Мама, ну ты что! Не надо звонить Кики... Кире Кирилловне! Никто меня не обижает. А очки не отдали, потому что... потому что они разбились. Случайно. Ты не волнуйся.

— Не представляю, как ты несколько дней будешь обходиться без них, — вздохнула мама. — Оптики наверняка уже не работают... А вообще, давай проверим.

После поиска в интернете выяснилось, что одна оптика поблизости действительно ещё открыта и закроется через сорок минут. Юлька с мамой побежали туда, но нужный дом никак не удавалось найти. Навигатор как будто свихнулся: вёл их то в одну сторону, то в другую, постоянно менял маршрут и в конце концов вообще отключился, объявив, что потерял связь со спутником.

Юлькина мама взглянула на часы.

— Всё, опоздали. Придётся возвращаться.

Вслед за ней Юля побрела по незнакомой улице. И вдруг мама остановилась.

— Юлька, смотри! Ещё одна оптика. И, кажется, работает!

Юлька повернула голову и прищурилась, глядя на небольшое одноэтажное здание. В него вели три двери. Над одной, слева, светилась вывеска «Универмаг». Над другой,

справа, большими буквами значилось «Парикмахерская». А между ними притулилась третья дверца, совсем невзрачная, больше похожая на служебный вход. На ней висела едва приметная табличка «Оптика». А ниже, прямо на двери, яркой краской было кривовато написано: «Открыто».

Юля с мамой вошли. Помещение было маленьким и тесным, но каким-то чудом в нём умещались несколько стеллажей с оправами, а ещё довольно большой стол, за которым сидела женщина в здоровенных очках с толстыми стёклами.

— Здравствуйте. Нам бы очки для девочки, — мама протянула продавщице рецепт.

Та мельком взглянула на бумажку и кивнула.

— Выбирайте оправу.

Пройдясь вдоль стеллажей, мама набрала несколько оправ и протянула одну из них Юльке.

— Мне кажется, эта подойдёт. Примерь-ка.

Юля встала перед висящим на стене зеркалом. В нём отразилась круглая, похожая на блин физиономия. На ней резко выделялись два прямоугольника вокруг глаз.

Юлька поморщилась и торопливо сняла очки.

— Не нравится? — расстроилась мама. — А мне кажется, тебе идёт. Ну, тогда возьми вот эту.

Под руководством мамы Юлька перепробовала кучу оправ, но все они смотрелись отвратительно. Вот маме очки очень идут, почти любые. А Юльке нет. Потому что у неё такой тип внешности. Так папа сказал.

Когда Юлька впервые пришла домой в очках, у папы при виде неё скривилось лицо — Юлька в новых очках очень чётко видела, как сильно оно скривилось. «С таким типом внешности — ещё и очки», — качая головой, произнёс он недовольно. Мама метнула на папу испепеляющий взгляд и внушительным тоном возразила:

«А по-моему, очень красиво!» Но Юлька догадалась, что мама боялась её огорчить, на самом деле тип внешности у неё, Юли, никудышный, а с очками — вообще ужас.

— Что ты сама хочешь? — отчаявшись угодить дочке, спросила мама.

— Линзы, — честно вздохнула Юлька. — Из-за этих очков со мной никто не дружит.

— Юль, ну что ты придумываешь? Врач сказал, до шестнадцати лет линзы противопоказаны. Я сама с детства в очках, и ничего!

Вдруг продавщица, всё это время с отсутствующим видом ковырявшаяся в телефоне, встрепенулась.

— Я знаю, что вам надо, — объявила она и, выдвинув ящик стола, достала очки. — Вот, держите. Стёкла уже вставлены.

— Как — уже вставлены? — изумилась мама. — Их разве не нужно делать на заказ? Вы уверены, что они подойдут?

— Абсолютно! — кивнула продавщица.

Удивительно, но стёкла и правда подошли, и уже через несколько минут Юлька стала не особенно счастливой обладательницей новых очков.

Когда они с мамой вышли из оптики, Юлька оглянулась через плечо и рассеянно отметила, что с двери исчезла намалёванная красным надпись «Открыто». Как будто, пока они с мамой были внутри, кто-то её стёр. «Странно», — удивилась Юля, но уже через секунду об этом забыла.

Глава 2

На следующее утро мама, как всегда, долго не могла поднять Юльку с постели.

— Можно я сегодня не пойду в школу? Я себя плохо чувствую. Наверное, я заболела, — по своему обыкновению жалобно канючила Юля, не открывая глаз.

Но мама была неумолима.

— Юлька, не притворяйся! Ты очень избирательно болеешь: исключительно по учебным дням. Забыла, что я доктор? Меня не проведёшь!

Но Юлька и не обманывала. У неё в самом деле каждое утро перед школой болела голова, а ещё казалось, что повышается температура. Однажды Юля даже

поставила себе градусник и намерила тридцать семь. А ведь у здорового человека температура должна быть тридцать шесть и шесть! Но мама заявила, что тридцать семь не считается, и без всякого сочувствия отправила её на занятия.

Юлька в полусонном состоянии вылезла из постели. Умылась, оделась и, плюхнувшись за стол, начала ковырять ложкой кашу.

— Юля, не спи на ходу, опоздаешь! — подгоняла мама.

Из дома они вышли вместе и попрощались у подъезда. Мама торопливо застучала каблучками налево — к метро, а Юлька поплелась направо — в школу. Её так и тянуло дожидаться, пока мама скроется из виду, и вернуться потихоньку домой, но Юля понимала, что обман быстро раскроется. Она уже дважды так делала, и оба раза вредная Кикимора писала в родительский чат, требуя объяснений, почему Савельевой нет на занятиях. Пришлось собрать волю в кулак и тащиться в школу.

Первые четыре урока прошли без происшествий. А на последнем — это был русский язык — Кикимора устроила диктант.

— Ра-анним ма-артовским утром проснулось со-олнце, — растягивая слоги, монотонно читала она. — Записываем: ра-анним... ма-артовским...

Ребята уткнулись в тетради. Юлька тоже начала писать предложение, и в этот момент дверь приоткрылась. В образовавшийся узкий проход проскользнул мальчик лет шести или семи и, задумчиво оглядевшись, протопал через весь класс к окну, оставляя на полу грязные следы.

К Юлькиному изумлению, ни одноклассники, ни Кира Кирилловна никак не отреагировали на его появление. Учительница спокойно продолжала диктовать:

— ...просну-улось со-олнце. Отдёрнуло оно лёгкую кисею облако-ов...

Первоклашка запрыгнул прямо на учительский стол и, усевшись там, начал сучающе болтать ногами. Юлька думала, что

теперь-то уж Кикимора одёрнет нахального сорванца, но не тут-то было.

— ...лёгкую кисею облаков, — повторила учительница и, прекратив диктовать, строго обратилась к Юльке:

— Савельева, что сидим? Почему не пишем?

— Я пишу. Просто...

Кикимора не дала ей договорить.

— Не считай ворон, займись делом. Так, продолжаем. Отдёрнуло оно лёгкую кисею облаков и взгляну-уло на зе-емлю...

Тем временем мальчишке, видимо, надоело ничегонеделание. Вконец обнаглев, он начал расхаживать туда-сюда по столу прямо по разложенным книгам.

— Да вы посмотрите, что он вытворяет! — не выдержала Юлька.

В классе воцарилась тишина.

— Савельева, кто — он? — вновь прервавшись, раздражённо осведомилась Кикимора.

